

ХРОНИКА ИОАННА НИКИУСКОГО: НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА И СОДЕРЖАНИЯ

С. А. ФРАНЦУЗОВ

В ранневизантийской историографии всемирная история, составленная Иоанном, епископом города Никиу в Египте в конце VII в., занимает особое место, поскольку это единственный источник, относящийся к арабскому завоеванию, в котором события излагаются с точки зрения побежденных. С текстологической точки зрения, история данной хроники достаточно сложна. Оригинал ее, скорее всего, был написан на греческом языке, а не на коптском, но до нас текст хроники дошел только в переводе на классический эфиопский (геэз), выполненном в 1601 г. В эфиопском тексте сохранилось множество следов промежуточной арабской версии. Наличие транслитерированного термина *джамакййа* ‘жалованье, денежное пособие’, пришедшего в арабский язык из персидского в эпоху Сельджукидов, дает возможность датировать перевод хроники на арабский XII–XIII вв. Анализ употребления топонима (ар-)Рйф показывает, что у коптов он означал Верхний Египет, в то время как мусульмане обозначали им либо Нижний Египет в целом, либо западную часть района Дельты. Хроника проникнута сильными промонофизитскими настроениями: природные катаклизмы, а также военные и политические беспорядки, происходившие в царствование тех правителей, которые одобряли решения Халкидонского собора, рассматриваются как Божья кара. Хотя Иоанн Никиуский не кажется искушенным в богословии, иногда у него приводятся интересные сведения на сей счет, к примеру по дискуссии о нетленности тела Христова, начатой Юстинианом в конце его правления.

Среди многочисленных переводных произведений классической эфиопской литературы всемирная история Иоанна Никиуского неизменно привлекает внимание арабистов. Однако их интерес ограничивается ее заключительными главами, посвященными покорению Египта мусульманским войском под предводительством ‘Амра ибн ал-‘Аса. Их уникальность состоит в том, что нам не известно другого источника, в котором завоевание арабами какой-либо страны описывалось бы с точки зрения побежденных, а не победителей.

Однако этот памятник заслуживает того, чтобы его рассматривали как законченное самостоятельное произведение ранневизантийской провинциальной историографии. Такой подход дает возможность выявить в нем те аспекты, которые прежде не были по достоинству оценены исследователями, а также уточнить

понимание ряда реалий, связанных с периодом арабского завоевания и не всегда правильно истолкованных. Прежде чем высказать некоторые замечания относительно содержания данного произведения и лежащей в его основе идеологической парадигмы, стоит затронуть вопросы, касающиеся истории его бытования.

О его авторе, епископе Никиуском по имени Иоанн, сохранились крайне отрывочные и скудные сведения. Неизвестно, когда именно он был рукоположен в архиереи и занял кафедру в городе Никиу, остатки которого, как предполагают, частично перекрыты современным поселением Завийат Разйн, расположенным к северу от города Мануфа, в юго-западной части Нильской дельты¹. В 686 г. он занимал пост апотрита (руководителя или, скорее, контролера) епископов Верхнего Египта. Около 694 г. коптский александрийский патриарх Симеон I назначил Иоанна Никиуского управителем (араб. *ал-мудаббир*)² египетских монастырей, но вскоре по несколько надуманному обвинению в превышении власти его сняли с этой должности и лишили архиерейского сана. Дата его кончины неизвестна: предположительно он умер после 700 г.³ Никаких других произведений, кроме составленной им всемирной истории, которую ее издатель Герман Зотенберг обозначил как хронику⁴, ему не приписывалось. Неясно, было ли у нее какое-либо заглавие. Во всяком случае, в начале колофона, составленного теми, то перевел хронику на геэз⁵, она обозначена описательно: ተፈጸመ ፡ ዝኑቲ ፡ መጽሐፍ ፡ ቡሩክ ፡ ከክስተናበር ፡ ዮሐንስ ፡ መደብር ፡ ጳጳስ ፡ ከሀገር ፡ ነጥድ ፡ በእንተ ፡ በቀራጻተ ፡ ነፍስ ፤ — «Закончилась эта благословенная книга, которую составил управитель (*мудаббир*) Иоанн, архиерей города Никиу, чтобы принести пользу душе»⁶.

Спорным остается вопрос о том, на каком языке (или языках) был написан оригинал хроники Иоанна Никиуского. Г. Зотенберг считал, что в нем чередовались части, составленные на греческом и на коптском; Теодор Нёльдеке и Валь-

¹ Приблизительное местоположение этого города, в коптской традиции известного как Пшати, показано, в частности, на карте, опубликованной в: *Большаков О. Г. История Халифата. Т. 2: Эпоха великих завоеваний. 633–656. М., 1993. С. 107. Рис. 10.*

² Отсюда происходит то прозвище, под которым он известен у эфиопов: መደብር.

³ См. подробнее: *Weninger St. John of Nikiu // Encyclopaedia Aethiopia. Vol. 3: He–N / Ed. by S. Uhlig. Wiesbaden, 2007. P. 298–299; Французов С. А. Иоанн Никиуский // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 371–372.*

⁴ Точнее было бы определить ее как хронограф, как это сделал Штефан Венингер (*Weninger St. Op. cit. P. 298*). Первый и пока единственный раз она была опубликована с французским переводом в: *Chronique de Jean, évêque de Nikiou / Texte éthiopien publié et traduit par H. Zotenberg // Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque nationale et autres bibliothèques, publiés par l'Institut national de France. Т. 24, 1^{ère} partie. P., 1883. P. 125–608 (отд. оттиск: P., 1883.).* Критический текст основан на двух рукописях: Eth. 123 (fol. 62–138) из Национальной библиотеки Франции и Orient. 818 из Британского музея (ныне — Британской библиотеки). К сожалению, две другие рукописи: d'Abbadie 31 (fol. 104–164a), ныне хранящаяся в Национальной библиотеке Франции, куда она поступила в начале XX в. в составе коллекции Ангуана д'Аббади, и Conti Roscini 27 (fol. 1–120) из Национальной академии Линчей («Рыси») в Риме, не были тогда доступны издателю (см. подробнее: *Weninger St. Op. cit. P. 298*). Впрочем, знакомство de visu с d'Abbadie 31 показало, что ее текст крайне незначительно отличается от печатного издания. По всей видимости, в основе всех дошедших до нас списков эфиопского перевода «Хроники Иоанна Никиуского» лежит единственная рукопись, ныне, очевидно, утраченная.

⁵ Ср.: *Chronique de Jean... P. 586: n. 1.*

⁶ *Chronique de Jean... P. 341/21–22.*

тер Крам склонялись к тому, что таким языком был только коптский; кроме того, высказывалось предположение о том, что с греческого хроника была переведена на коптский, а уже с него — на арабский⁷. Однако во всей коптской литературе не известно ни одного памятника историографии: это направление в ней вообще не сложилось. В то же время передача некоторых греческих терминов, в частности наименований двух византийских «цирковых партий» (*димов*), указывает на то, что хроника была создана на греческом. Если для «голубых», или венетов, была использована транслитерация соответствующего греческого слова οἱ Βένετοι, попавшая в геэз в форме ስልዋኑጥስ или ስልዋኑጢስ⁸ через арабское الوانوطس⁹, то обозначение «зеленых», или прасинов, многозначным геэзским словом መስተገበራን (букв. ‘работники, трудящиеся, торговцы, купцы’)¹⁰ вызывает недоумение. Однако еще Г. Зотенберг показал, что переводчик перепутал οἱ Πράσινοι ‘зеленые, светло-зеленые’ с одним из производных от глагола πράσσειν ‘делать, совершать, работать, трудиться, заниматься’¹¹, например с активным причастием настоящего времени мн. ч. πράσσοντες, причем, скорее всего, речь шла о формах не именительного, а родительного падежа соответствующих слов πρασίμων и πρασσόντων¹². Но тогда о каком коптском оригинале хроники может идти речь? Отдельные коптские слова, сохранившиеся в искаженной транслитерации после ее перевода на арабский, а затем на геэз, вполне могли быть включены в ее первоначальный греческий текст для более точной передачи местных реалий.

О том, как и когда был осуществлен перевод хроники на геэз, в колофоне к ней рассказано в деталях. Над ним трудились коптский диакон Гавриил из Египта (ጊዮቆን : ቅብርያል : ግብጻዊ :)¹³ и эфиопский священник Махерка Денгель (ምኅርካ : ድንግል :), духовник царя Иакова (1597–1603, 1605–1607) и автор первой части «Истории Сисинния, царя эфиопского»¹⁴, на протяжении трех месяцев: с 1 ав-

⁷ Обзор этих точек зрения с соответствующими ссылками приведен в: *Weninger St. Op. cit.* P. 298–299; Французов С. А. Указ. соч.

⁸ См., например: *Chronique de Jean...* P. 295/3, 296/5.

⁹ Данная реконструкция приведена в: *Chronique de Jean...* P. 529: n. 4.

¹⁰ См., например: *Chronique de Jean...* P. 296/5, — где сочетание መስተገበራን : — не может быть истолковано иначе, чем «венеты и прасины».

¹¹ *Chronique de Jean...* P. 530: n. 2.

¹² Трудно с уверенностью восстановить промежуточную арабскую форму между πρασσόντων и መስተገበራን. Вероятно, ее следует искать среди производных от корня ‘МЛ, таких как ‘уммāl или муста‘малйн.

¹³ *Chronique de Jean...* P. 342/25.

¹⁴ Он упоминается лишь в колофоне рукописи d’Abbadie 31 (*Rodinson M. Notes sur le texte de Jean de Nikiou // IV Congresso Internazionale di Studi Etiopici* (Roma, 10–15 aprile 1972). T. 2: Sezione linguistica. R., 1974 (Accademia nazionale dei Lincei, anno CCCLXXI, Quaderno N. 191: Problemi attuali di scienza e di cultura). P. 132). Отсутствие его имени в тех вариантах колофона, которые приведены в других рукописях, по-видимому, объясняется тем, что при Сисиннии (1607–1632) он обратился в католичество и в начале правления царя Василица (1632–1667) был изгнан из Эфиопии (*Ibid.* P. 133). Подробнее о Махерка Денгеле и его литературном творчестве см.: Эфиопские хроники XVI–XVII веков / Вступл. и закл., пер. с эфиопск. и коммент. С. Б. Чернецова. М., 1984. С. 155, 190, 191, 327; Чернецов С. Б. Эфиопская феодальная монархия в XVII веке. М., 1990. С. 17, 38, 41, 45–47, 55, 60, 148. Штефан Венингер, странным образом упустивший из виду сведения, содержащиеся в колофоне d’Abbadie 31, писал об анонимном переводчике-эфиопе, работавшем вместе с Гавриилом из Египта (*Weninger St. Op. cit.* P. 298).

густа по 29 октября 1601 г. по новому стилю¹⁵. К сожалению, никаких сведений такого рода о переводе этого произведения на арабский до нас не дошло. Однако по некоторым косвенным данным представляется возможным установить, когда приблизительно он появился. Дважды в тексте памятника встречается транслитерация довольно редкого арабского термина *джамак'йа* в форме ҠҘҝҝҠҝҝ 'жалование (воинов), денежное довольствие'. Первый раз он засвидетельствован в связи с восстанием во Фракии (ḫ-ṭ-ḫ) против императора Маврикия (582—602)¹⁶, второй — в сообщении о том, как перед византийским военачальником Феодором во время арабского завоевания Египта был поставлен вопрос «о городе, название которого — Мамуна, и о жаловании воинов и о земле, с которой они его получали» (በእነተ : ሀገር : ከሰሣ : ማሙና : ወበእነተ : ҠҘҝҝҠҝҝ : ሐራ : ወምድርሂ : ዘተሠርዑ : ቦቱ :)¹⁷. Термин *джамак'йа* (вариант — *джамак'йа*) восходит к персидскому *джамгай* 'жалование, оклад, вознаграждение, награда' и вряд ли мог быть заимствован прежде, чем персидский язык начал использоваться в делопроизводстве на мусульманском Ближнем Востоке. Впервые языком канцелярии он стал в государстве Великих Сельджукидов во второй половине XI в. Самым ранним арабским сочинением, в котором удалось его отыскать, оказались «Правила диванов» Абу-л-Мак'арима Ибн Маммат'и, обратившегося в ислам копта, который занимал пост *наз'ир ад-дав'айн*, т. е. контролера всех канцелярий Египта, но был вынужден из-за интриг покинуть страну вскоре после 1200 г. и умер в Алеппо в 606/1209 г. в возрасте 62 лет¹⁸. В начале раздела «Пропущенное время» (*ат-тафа'вум*) этого трактата, представляющего собой руководство для чиновников по управлению Египтом, говорится: «Это то, что сберегается [из платы] войскам, например, туркам, в течение года. После того, как пройдут три месяца, им следует джамак'йа в сумме тысячи динаров»¹⁹. Таким образом, в последние десятилетия XII в., при ранних Аййубидах, термин *джамак'йа* уже прочно вошел в употребление у египетских чиновников, среди которых было немало представителей коптской общины. Концом XII—XIII в., т. е. периодом правления династии Аййубидов или началом мамлюкской эпохи, скорее всего, следует датировать появление перевода хроники Иоанна Никиуского на арабский.

¹⁵ С 28 хамле по 22 тэқэмта (Chronique de Jean... Р. 342/7—9). Перевод был завершён «в 1594 году от воплощения Господа нашего Иисуса Христа» (*Ibid.* Р. 342/16—17); следовательно, он был начат в 1593 г. по эфиопскому летоисчислению.

¹⁶ Chronique de Jean... Р. 303/14—15: ወሰበ : ሰምዑ : ሐራ : ዘነተ : ነገር : መሰሩ : ከሙ : ይገፋገሑ : ምስሌሁ : በእነተ : ҠҘҝҝҠҝҝ : ወሲሳሎ : — «И когда услышали солдаты об этом деле, задумали выставить ему (Маврикию. — С. Ф.) претензии (букв.: затеять с ним тяжбу. — С. Ф.) по поводу своего жалования и своего пайка».

¹⁷ Chronique de Jean... Р. 329/24—26.

¹⁸ У Р. Доzi в словарной статье, посвященной данному термину, наиболее ранние сочинения, из которых взяты содержащиеся его цитаты, восходят к мамлюкскому времени (*Dozy R. Supplément aux dictionnaires arabes*. Т. 1. Leyde, 1881. Р. 168).

¹⁹ *Ибн Маммати*. Правила диванов / Пер. с араб., предисл. и примеч. С. Б. Певзнера. М., 1990. С. 112. По поводу термина *джамак'йа* С. Б. Певзнер дал следующее пояснение: «...воины гвардии должны были получать полное довольствие. Однако одежду и снаряжение гвардейцы покупали сами, для чего им выдавались определенные суммы, носившие персидское название *джамак'йа* (*джамаг'йа*). При Аййубидах вместо выплат деньгами воинам стали давать икта' на сумму джамакии» (Там же. С. 124. Примеч. 24).

При обращении к содержанию хроники бросается в глаза ее очевидная про-монофизитская позиция. Она-то и послужила причиной перевода хроники на геэз, осуществленного по приказу вдовы царя Сарца Денгеля (1563—1597) Марьям Сэна и «начальника войска эфиопского» раса Афанасия в интересах той части знати, которая видела угрозу традиционной «александрийской вере» в усилении влияния португальских иезуитов при царском дворе²⁰. Наиболее четко тенденциозность, присущая Иоанну Никиускому, проявилась в оценке византийских императоров, правивших после Халкидонского собора. Так, он не скрывает своих симпатий к Зинону (474—475, 476—491), которому в хронике отведена большая часть главы LXXXVIII, за принятие им в 482 г. «Энотикона»²¹ — специального послания к Александрийской Церкви, которое представляло собой компромисс между православными и монофизитами на основе отказа от догматических споров по вопросу о соединении Божественной и человеческой природ во Христе²². В главе LXXXIX четко выражено положительное отношение к Анастасию I (491—518) за его поддержку монофизитов, в особенности Севира Антиохийского. Восхищение у автора хроники вызывал также Тиверий II (578—582), обвинение которого в «несторианстве», т. е. в диофизитстве, категорически отвергается и при этом подчеркивается, что он отказался от преследования тех, кто веровал в одну природу Христа, и даже покровительствовал им (конец главы XCIV). С другой стороны, резкой критике были подвергнуты Юстин I (518—527) как за отказ от «Энотикона» и за гонения на монофизитов, так и за его жесткость в делах, напрямую не связанных с верой (первая половина главы XC), Маврикий (582—602), обвиняемый в склонности к язычеству и колдовству (главы XCV—CII), и Фока (602—610), в вину которому вменялись различные злоупотребления (в том числе принуждение знатных дам и девушек к сожительству) и репрессии против недовольных (главы CIII—CX). В целом отрицательно, но более сдержанно Иоанн Никиуский относился к Юстиниану (527—565), правление которого он осветил неполно и несколько сумбурно: например, у нет даже намек на такие важнейшие события, как восстание Ника или возведение Святой Софии (вторая половина главы XC — первая половина главы XCIV)²³; кроме того, Юстиниан и его преемник Юстин II (565—578) из-за сходства их имен в хронике не различаются.

²⁰ Чернецов С. Б. Указ. соч. С. 148—149.

²¹ См. Chronique de Jean... P. 251/5-8: ወበው-እቱ : ዘመን : ኮነ : ፍቅሩ : ለንጉሥ : ዘይኩን : አካሁን : ሊቀ : ጳጳሳት : ዘቀሱንግንግንያ ፤ ወአሠብ : ልበ : ንጉሥ : ከመ : ይጽሐፉ : ባቡ-ኒቆን : ዘበት-ርንግሁ : መጽሐፈ : ሃይማኖት : ቪ : ጉባኤያት : ዘው-እቶን : በኒቅያ : ወቀሱንግንግንያ : ወኤፌሶን : ወይመንግንግን : ለካልአት : ጉባኤያት :: — «И в этот время Акакий, патриарх Константинопольский, стал любимцем царя Зинона и убедил царя, чтобы написали “Энотикон”, что означает изложение веры трех соборов, которые суть Никейский, Константинопольский и Эфесский, и отвергли другие соборы». В эфиопском тексте имя собственное «Энотикон» представлено в сильно искаженном виде как ባቡ-ኒቆን. Очевидно, в той рукописи, которой пользовались переводчики хроники на геэз, арабское هانوتيقون было записано без точек и с маленькой «головкой» у начального хā', в результате чего они прочитали его как بابونيقون (Chronique de Jean... P. 483: n. 1).

²² Оценку «Энотикона» см., например, в: Понов И. Н. Зион // Православная энциклопедия. Т. 20. М., 2009. С. 180.

²³ Храм св. Софии (አጎያ : ሰፍያ ::) упомянут в хронике единственный раз в связи с событиями, сопутствовавшими низложению императора Фоки (Chronique de Jean... P. 316/18—20).

Мотив Божьей кары за неприятие монофизитства и борьбу с ним пронизывает соответствующие главы хроники. Так, следствием церковной политики Юстина I оказываются катастрофические землетрясения, разрушившие Антиохию в 525–526 гг.²⁴ За жестокое преследования коптов православным александрийским патриархом Киром, ставленником Ираклия (610–641), этот император поплатился потерей Египта, завоеванного арабами: «Подлинно Господь, который оберегает справедливость, не остался безучастен к миру и свершил суд над несчастными и не помиловал их за то, что они лгали о нем, и выдал их в руки измаилитян, и после этого поднялись мусульмане и полонили всю страну Египет. И после смерти Ираклия и по возвращении патриарха Кира не оставил тот гнева и гонений против народа Господня, но стал прибавлять зло ко злу»²⁵. Следует отметить, что Иоанн Никиуский признавал субъективную честность тех, кто устраивал гонения на его единоверцев: «Они ведь полагали, что прославляют Господа нашего Христа этими делами своими, а оказались они извращающими веру свою. И не были они отступниками в глазах своих, только преследовали тех, кто не был заодно с ними в вере. Упаси Господи, ибо не были они слугами Христа, но полагали так в мыслях своих»²⁶.

Внимательное знакомство с хроникой разрушает сложившийся среди арабистов стереотип, согласно которому покорение мусульманами Сирии и Египта не сопровождалось сколько-нибудь серьезными эксцессами в отношении мирного населения. Вот как описан в ней захват города Никиу и прилегающих к нему территорий: «И после этого вошли мусульмане в Никиу и взяли его и не нашли там ни одного воина; и они убивали всех, кого встречали на улице и в церквях, мужчин, женщин и младенцев, и не щадили никого. И после того, как взяли они город, пошли в другие места и разграбили их и убивали всякого, кого находили... Помолчим же ныне, ибо невозможно рассказать о злодеяниях, которые совершили мусульмане, когда захватили остров Никиу в воскресенье, 18 [дня] месяца генбот (т. е. 13 мая. — С. Ф.)²⁷ в 15 [год] цикла²⁸, и еще о том зле, которое было в городе Кесарии Палестинской»²⁹. Вопрос о достоверности этого сообщения вряд ли уместен: нет сомнений в том, что Иоанн, занимавший епископскую кафедру в Никиу, опирался на рассказы очевидцев, которым удалось пережить эти кровавые события, или их потомков. И это далеко не единичный пример столь жестокой расправы над жителями Египта. Не исключено, что неприязнь к христианам была присуща лично 'Амру ибн ал-'Асу. Во всяком случае именно на него западная традиция возлагает ответственность за казнь в 637 или 638 г. в Иерусалиме и Элевтерополе 60 византийских солдат во главе со стратигом Кал-

²⁴ См. подробнее: *Frantsouzoff S. A. Antioch in South Arabian Tradition (remarks on some commentaries on the Qur'ānic verses 21: 11–15 & 36: 13 /12/–14 /13/) // Aram Periodical. Vol. 11 & 12: The Mandaean, Antioch & Edessa & Cultural Interchange in the Arabian Peninsula, 1999–2000. P. 406.*

²⁵ *Chronique de Jean... P. 325/29–326/5.*

²⁶ *Chronique de Jean... P. 327/1–7.*

²⁷ Разумеется, в оригинале хроники и в ее арабском переводе был указан не этот эфиопский месяц, а полностью ему соответствующий коптский месяц башанис.

²⁸ По счету индикции, т. е. в 642 г. (*Chronique de Jean... P. 569: n. 1.*)

²⁹ *Chronique de Jean... P. 327/27–328/4, 328/7–10.*

лиником из гарнизона Газы, которые были захвачены в плен при штурме этого портового города и отказались принять ислам³⁰.

О теологических расхождениях между монофизитами и их противниками Иоанн Никиуский, как правило, сообщает только самые общие сведения. Судя по всему, в богословии он не был силен. Тем интереснее то внимание, которое он уделил спору о Трисвятом, который вели между собой стоявший на православных позициях константинопольский патриарх Македоний и антиохийский патриарх Севир (с последним принято связывать оформление умеренного направления в монофизитстве): «И разгневался Македоний и те, кто с ним, и те, кто заодно с несторианами, и сказали они о Трисвятом: “Говорят его ангелы в литургии своей”. И сказал им Севир, что ангелы говорят так: “Святой Боже (букв.: Господь. — С. Ф.), святой Крепкий, святой Бессмертный (букв.: Живой, который не умрет. — С. Ф.), помилуй нас”, — ибо нет нужды ангелам непременно говорить “Распятый за нас”, поскольку распятие Бога нашего было не ради ангелов, но ради нас, людей, был распят Иисус Христос, Господь наш и Спаситель наш, и ради спасения нашего сошел Он с небес и воплотился и во-человечился и был распят за ны при Понтийстем Пилате и воскрес из мертвых в третий день по Писанием (букв.: как записано в Святых Писаниях. — С. Ф.), как постановили отцы наши святые никейские, константинопольские и эфесские и утвердили нам, что подобает для божества Его. Посему мы, христиане, непременно говорим: “О ты, кто был распят за нас, помилуй нас”, — и еще мы веруем, что этот Бог Святой, Сильный, Бессмертный был распят за нас. И также еще мы доподлинно уверены, что Святая Дева Мария родила Бога истинного, и не другим был тот, кого родила Дева, и не другим был тот, кого распяли иудеи, но Единым и по рождеству, и по распятию, и по воскресению»³¹.

Как последователь Севира Антиохийского Иоанн Никиуский не разделял учения о нетленности тела Христова с момента воплощения, которое разработал и отстаивал один из родоначальников крайнего монофизитства Юлиан Галикарнасский³². Расхождение по этому вопросу с императором Юстинианом, ставшим в последние годы жизни сторонником афтартодокетизма, четко отражено в хронике: «И вопрошали о теле Господа нашего Иисуса Христа, и большой спор

³⁰ См.: Газские мученики // Православная энциклопедия. Т. 10. М., 2005. С. 267–268.

³¹ Chronique de Jean... P. 262/21–263/10.

³² Это учение четко сформулировано в первом и шестом анафематизмах Юлиана:

«Если кто не исповедует, что Бог Слово, единосущный Отцу, воплотившийся и во-человечившийся истинно, единосущен нам во всем, и является, и именуется Человеком без греха и тления, ибо ни грех, ни тление не суть сущность, такового анафематствует святая кафолическая и апостольская Церковь»;

«Если кто не исповедует, что нашу плоть, подверженную греху и тлению, Бог Слово по человеколюбию соделал Своей собственной, чтобы избавить ее и от тления и от греха, но исповедует, что Воплотившийся попал под власть тления, говоря, что тление естественно пребывает во плоти, а не приключилось от греха, и поэтому, дабы спасти нас от смерти и тления, воплотился Господь, и желающий этого и имеющий к этому способность, таковой как не признающий правых догматов, будучи чуждым Искупления Христова, и сам себя поставляющий в ряд противящихся — анафема да будет» (Юлиан Галикарнасский. Догматические фрагменты / Пер. с греч. свящ. Олега Давыденкова // Литературные традиции христианского Египта. Сб. статей. М., 2008. С. 175, 176).

состоялся в городе Константинополе о том, было оно тленным или нетленным. И было возмущение в городе Александрия из-за этого спора, который проходил между двумя сообществами, которые суть феодосиане и гаианиты. Царь же Юстиниан послал за Евтихием, патриархом города Константинополь в то время, и спросил его об этом деле. Тот был заодно в вере с Севиром и Феодосием. Вот как он ответил ему и сказал: “Тело Господа нашего, Который принял муки ради нашего спасения, живое, не исчезнет, не истлеет, не изменится. Мы веруем, что Он принял муки по Своей воле и после воскресения же Он не тленен и не изменен во всем облике и во всем виде”. Но царь не принял этого слова. Точное разъяснение этих положений было (дано) в послании, которое святой Кирилл направил Суксенсу (ⲉ-ⲛⲓⲛⲉ), а царь склонялся к Юлиану, епископу гаианитов, которые были заодно с ним в вере, ибо они говорили: “Он был, как и мы, человеком, и Святые Писания гласят, что Христос пострадал ради нас во плоти”. Царь же Юстиниан разгневался на патриарха Евтихия за то, что тот не ответил ему, как желало сердце его, но говорил, как Севир и Анфим (ⲁⲛⲫⲓⲙⲉ). [И он сказал], что они ввели в заблуждение (жителей) города Константинополя и этот (т. е. Евтихий — С. Ф.) тоже ввел их в заблуждение»³³.

В хронике Иоанна Никиуского зафиксирован уникальный пример существования в Египте арабо-христианской топонимической традиции, отличавшейся от той, которая сложилась у арабов-мусульман. Речь идет о значении топонима ар-Риф³⁴, который в геэзском тексте приведен в транслитерации, но без арабского артикля ʾ. На основании произведений классической арабо-мусульманской географии О. Г. Большаков показал, что под ар-Рифом подразумевался либо весь Нижний Египет, либо та его часть, которая находилась к западу от Димйатского рукава Нильской дельты³⁵. Обратившись к истории арабского завоевания Египта, он в полном соответствии с этим выводом писал о том, что Абакири из города Даллас³⁶, «по сведениям Иоанна Никиуского, перевозил арабские войска из Файйума в Нижний Египет (ар-Риф)»³⁷. Однако информация об ар-Рифе, приводимая в других местах хроники, свидетельствует о том, что так обозначался не Нижний, а Верхний Египет. В оглавлении к ней упоминается «Антиноя в

³³ Chronique de Jean... Р. 285/4–24. Под феодосианами и гаианитами имеются в виду сторонники двух патриархов-соперников, одновременно оказавшихся в 535 г. на александрийской кафедре: Феодосия I и Гаиана, первый из которых стоял на позициях умеренного, а другой — крайнего монофизитства. Анфима следует отождествить с константинопольским патриархом Анфимом I (535–536); см. о нем: *Грацианский М. В.* Анфим I // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001. С. 718.

³⁴ По всей видимости, этот топоним восходит к именам нарицательным *рйф* ‘изобилие того, что необходимо для жизни’ и *раййиф* ‘плодородный, обильный травами и пастбищами’, которые, в свою очередь, являются производным от глагола *ра’афа* ‘быть очень мягким, благосклонным, милостивым к кому-либо’ (*de Biberstein Kazimirski A.* Dictionnaire arabe-français. Т. 1. Paris, 1860. Р. 795, 963). К сожалению, остается неясным, какой греческий топоним был передан в арабском переводе как ар-Риф.

³⁵ *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в. Социально-экономические отношения. М., 2001. С. 62–63.

³⁶ Его местоположение указано на карте в: *Большаков О. Г.* История Халифата. Т. 2. С. 107. Рис. 10.

³⁷ Там же. С. 126. См. эти сведения в: Chronique de Jean... Р. 321/6–7.

области Риф» (እንድና : በሀገረ : ሪፍ ::)³⁸. Но этот город, который арабы стали называть Ансина, находится в Верхнем Египте, приблизительно в 110 км к югу от ал-Файйума³⁹. В тексте хроники отмечен «город Исна, который является главным городом Рифа» (ሀገረ : እስና : እንተ : ይእቲ : ርእስ : አሁን-ረ : ሪፍ :)³⁹; он расположен еще южнее, чем Антиноя, всего в 100 км к северу от Асвāна⁴⁰. отождествление Рифа именно с Верхним Египтом находит подтверждение в сообщении о назначении арабскими завоевателями наместников из числа местных жителей в три основные области этой страны: «И был один муж по имени Мина (ሚናስ), который был назначен царем Ираклием в Страну приморскую (ባሕርይ), он гордился тем, что не знал Писания, и очень ненавидел египтян; и после того, как мусульмане взяли всю страну, утвердили они его на его посту; и одного мужа по имени Шенути (ሲኖኛ) назначили они наместником в страну Риф, а еще одного по имени Филлоксен (ፊሎክሳኖስ) назначили наместником в страну Аркадию (አርጋድያ), которая есть Файйум»⁴¹.

Поскольку, как было показано выше, перевод хроники Иоанна Никиуского на арабский был выполнен не ранее XII в., необходимо признать, что в одно и то же время мусульмане и христиане средневекового Египта вкладывали в топоним ар-Риф прямо противоположные значения: последователи ислама понимали под ним Нижний Египет или только западную его часть, а копты — Верхний Египет.

Ключевые слова: византийская историография, Иоанн Никиуский, монофизитство, эфиопская переводная литература, арабо-христианская культура в Египте.

THE CHRONICLE OF JOHN OF NIKIU: SOME PECULIARITIES OF ITS LANGUAGES AND CONTENTS

SERGE A. FRANTSOUZOFF

In early Byzantine historiography a world history compiled by John, bishop of the city of Nikiu in Egypt, in the late VIIth century AD occupies a particular place, since it is the only source on the Arab conquest in which the events are described from the point of view of those who were vanquished. The textual history of this chronicle is complicated. Its original appears to be written in Greek rather than in Coptic, but only its translation into Ge'ez (Classical Ethiopic) carried out in 1601 is extant. Many traces of the intermediate Arabic version are attested in the Ethiopic text. The occurrence of the transliterated term *djamatkiyya* 'salary, money allowances', borrowed in Arabic from Persian

³⁸ Chronique de Jean... P. 138/13–14.

³⁹ Chronique de Jean... P. 301/17.

⁴⁰ См. карту в: *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока... С. 89. Рис. 11 (справа).

⁴¹ Chronique de Jean... P. 334/5–10.

during the Seljuqid period, gives a possibility to date the translation of the chronicle into Arabic from the XIIth–XIIIth century AD. The analysis of the use of the toponym (al-) Rîf demonstrates that among the Copts it designated Upper Egypt, while the Muslims were applying it either to Lower Egypt as a whole or to the western part of the Delta. The chronicle is permeated with a very strong Monophysite tendency: the natural disasters as well as the military and political disturbances, which took place under the rule of those emperors who sided with the Chalcedonian council, are considered as God's punishment. Although John of Nikiu does not seem to be an expert in theological problems, sometimes he affords an interesting information on this matter, as in the case of the discussion on the incorruptibility of the body of Jesus Christ provoked by Justinian at the end of his reign.

Keywords: Byzantine historiography, John of Nikiu, Monophysitism, foreign literature in Ethiopic translation, Arab-Christian culture in Egypt.